

DOI: 10.15826/vopr_onom.2015.2.004
УДК 811.112.2'373.21 + 811.112.2'373.23 + 81:39 + 81'286

А. Гройле

«ОНОМАСТИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» (НА МАТЕРИАЛЕ ТОПОНИМИИ ГЕРМАНИИ)*

Автор статьи исходит из того, что археология и историческая лингвистика, используя каждая свои методы, преследуют одну и ту же цель — понять и интерпретировать культуру доисторического и раннего исторического периодов; как следствие, эти науки могут успешно дополнять и обогащать друг друга. Предлагая назвать область пересечения археологии и лингвистики «лингвистической археологией», автор видит современные возможности этой дисциплины не столько в исследовании нарицательной лексики, сколько в исследовании тех имен собственных, которые дошли до нас с древнейших времен: тем самым, наряду с широким понятием «лингвистическая археология», в статье вводится более узкое понятие «ономастическая археология». В плане взаимодействия исторической ономастики и собственно археологической науки автору представляется наиболее перспективным изучение топонимов, поскольку во многих случаях они имеют давнюю историко-географическую атрибуцию и остаются связанными с определенным местом или пространством на протяжении длительного времени. В качестве иллюстрации в статье приводятся несколько названий из топонимикона Южной Германии, для которых на основе этимологического анализа устанавливается древнекельтское происхождение. Поскольку соответствующие топонимы, согласно результатам анализа, обозначали не что иное, как укрепленные поселения древних кельтов, полученные лингвистические данные в перспективе могут служить ценным ориентиром для археологических поисков

* Редколлегия журнала выражает благодарность за помощь в подготовке статьи к публикации К. Хенгсту и В. В. Алпагову.

и, далее, для реконструкции древнекельтской культуры. По мнению автора, помимо ойконимов, важнейшую роль в ономастической археологии играют гидронимы, в которых, благодаря общезыковым механизмам метонимии, могут сохраняться имена раннеисторических археологических памятников, упоминаемые в древних источниках, но ныне утраченные. Именно гидронимы, как показано автором, являются и наиболее показательной основой для выявления «языкового ландшафта» той или иной археологической культуры. В статье это иллюстрируется на примере засвидетельствованной в Германии ясторфской культуры, в ареале которой преобладают германские гидронимы, хотя встречаются и названия иного происхождения. В заключительном разделе статьи доминирование «германской» языковой составляющей в границах ясторфской культуры показано также на примере этнонима вагры, относящегося к славянской этнической группе. Этот этноним, по мнению автора, был либо перенят в период двуязычия славянской группой у предшествующего германского населения, либо возник в результате «внешнего» присвоения безымянному славянскому племени уже существующего германского названия.

Ключевые слова: немецкий язык, топонимия, гидронимия, историческая ономастика, лингвистическая археология, ясторфская культура, вагры, этимология.

1. Регенбург и «лингвистическая археология»

На сегодняшний день немецкий город Регенбург, расположенный в земле Бавария, представляет собой большую строительную площадку и вместе с тем настоящую археологическую сокровищницу: город очень богат наземными памятниками и археологическими достопримечательностями времен Римской империи. Более того, из римских итинерариев нам известна форма *Regino castra* — название римского (романского) легионерского лагеря, построенного на территории нынешнего Регенбурга в 179 г. н. э.; калькой с него является древнебаварское название *Reganespurc*. Мотивом номинации для римлян стало расположение лагеря на р. *Реген* (нем. *Regen*), точнее, напротив места впадения разветвляющейся здесь реки в Дунай. Поскольку гидроним **Reginos* неоднократно встречается на всем кельтском пространстве и может быть объяснен из пракеельтского языка, при решении вопроса о том, что возникло раньше: название реки или лагеря, — можно с уверенностью сказать, что, конечно, более ранним является название реки.

Таким образом, в этом случае данные исторической ономастики и археологии как будто бы равноценны. Но у города есть еще другое, средневековое, название — *Radaspona*. Ономатологи склонны объяснять его кельтской формой **Ratasbona*, соотносимой со старым названием *Vindobona* для Вены и другими подобными топонимами. Из этого может следовать, что еще до римлян на месте Регенбурга

существовало кельтское поселение, исчезнувшее — вместе с названием — из-за сооружения римского лагеря. Однако каким образом это предположительно кельтское наименование пережило римскую эпоху и вновь появилось в VIII в. н. э. в житии святого Эммерама Регенсбургского?

Это пытались объяснить гипотезой, согласно которой в названии **Ratasbona* мог получить отражение экзоним. Но до сегодняшнего дня археологи не обнаружили никаких артефактов, принадлежащих латенской культуре, которые могли бы подтвердить гипотезу о существовании поселения с названием **Ratasbona*. Большой объяснительной силой, на мой взгляд, обладает предположение о том, что *Radaspona* (**Ratasbona*, **Radsbona*) представляет собой именование, изобретенное в связи с церковно-политическими разногласиями в Средневековье.

С помощью этого примера я хотел подвести читателя к нижеследующим рассуждениям, в которых пойдет речь о сложных связях археологии и сравнительно-исторического языкознания. Для обозначения области пересечения этих наук я немного легкомысленно и, вероятно, провокационно выбрал выражение лингвистическая археология. Прежде чем на примере ясторфской культуры (см. разделы 5, 6) будут рассмотрены связи исторической ономастики и археологии, мне хотелось бы показать, что можно понимать под предложенным термином.

2. Лингвистическая археология и поиск индоевропейской «прародины»

Я исхожу из того, что археология и сравнительно-историческое языкознание преследуют, по существу, одну цель. Обе науки с помощью собственных методов стремятся изучить, понять и истолковать культуры доисторического и раннеисторического периодов [см.: Greule, 2009a, 687] и, тем самым, могут дополнять и обогащать друг друга.

В связи с этим, например, нельзя не вспомнить о попытках индоевропеистики — до сегодняшнего момента безуспешных — определить место так называемой «прародины» индоевропейцев [RGA, 15, 395–399]. Эти попытки, как известно, основаны на том, что восстанавливаемый с помощью сравнительно-исторического метода индоевропейский праязык возник и применялся когда-то для общения в некоем «центре», откуда — по различным причинам — позднее распространился на другие земли [см.: Ibid., 397–398]. Первоначально эти поиски прародины основывались на анализе нарицательной лексики. Благодаря многолетнему труду лингвопалеонтологов, которых можно назвать первыми представителями «лингвистической археологии», для индоевропейского «языка-основы» была, в частности, реконструирована лексика таких сфер, как «земледелие», «скотоводство», «лошадь, колесо и (боевая) колесница», «оседлость», «флора и фауна»,

а также единственная лексема, связанная со сферой «металл» (**h₂éjes-* > новонем. *Erz* ‘руда’)¹. Фрагменты материальной культуры, соответствующие этим сферам, соотносятся с пространством в Европе и Азии, где приблизительно в III тыс. до н. э. жили люди и где присутствие «индоевропейской культуры» археологически подтверждено.

Археолог из Галле А. Хойслер оценивает все эти усилия следующим образом: «Существование в ранних тысячелетиях “культуры индоевропейцев” не может быть подтверждено ни лингвистическим, ни археологическим материалом. В частности, не имеется никаких археологических указаний на “пра-родину индоевропейцев”» [RGA, 15, 406–407]. Однако, безусловно, из этого отрицательного суждения не следует делать общий вывод о том, что параллельное использование методов археологии и исторического языкознания и их взаимодополняемость невозможны.

Представляется, что подобная взаимодополняемость может быть достигнута за счет привлечения к исследованиям не только нарицательной лексики, но и имен собственных. В этом случае частью «лингвистической археологии» становится историческая ономастика — в частности, историческая топонимика и этнонимика.

В качестве некоего перехода к следующим разделам, где речь идет как раз об «ономастической археологии» и где особую роль играют гидронимы, я хотел бы сказать несколько слов о Дунае (нем. *Donau*). Название этой второй по величине в Европе реки, впадающей в Черное море, восходит к докельтской форме **Dānewjos*, происхождение которой хорошо объясняется на индоевропейском фоне: она соответствует ведийскому *dānu* ‘жидкость’ [см.: Greule, 2009b, 206–209]. Вслед за предположением о том, что Дунай, как и другие крупные реки Европы (например, Висла, Эльба), являлся одним из транспортных путей, вдоль которых «в разные эпохи происходило выравнивание различных культур» [RGA, 11, 320], появилась новая гипотеза, согласно которой распространение индоевропейской культуры осуществлялось в эпоху неолита от карпатского бассейна вверх по Дунаю. Название **Dānewjos* — элемент индоевропейской сети речных наименований, обнаруженной Готфридом Шраммом (Gottfried Schramm). Возникновение этой сети Шрамм связывал с распространением земледелия и скотоводства на юго-востоке Европы примерно в VI тыс. до н. э. [см.: Schramm, 2008]. Из этого возможно заключить, что универсализация экономического уклада, основой которого являлись земледелие и скотоводство в бассейне Дуная, сопровождалась и распространением в будущей Европе индоевропейского праязыка [Ibid., 195, 197].

¹ В связи с подобной лексикой известен также «аргумент бука и лосося», ныне опровергнутый: обозначения бука (лат. *fāgus*) и лосося (*Salmo salar*) не могут более причисляться к лексике языка-основы [см.: RGA, 15, 397, 411–412].

3. «Ономастическая археология» и собственно археология

Обратимся теперь к модели отношений между исторической ономастикой и археологией. Вполне очевидно, что названные науки находятся в отношениях взаимодополняемости, суть которых заключается в том, что историческая ономастика и археология могут эффективно взаимодействовать при работе с надежно локализованными географическими названиями.

Историческая ономастика устанавливает связь между топонимом и соответствующим ему географическим объектом, что возможно благодаря традиции передачи имени (т. е. истории его фиксации. — *Прим. пер.*), и затем с помощью этимологического анализа предлагает версии происхождения топонима. Важную роль при этом играет выявление так называемого мотива номинации, т. е. причины, по которой данный географический объект был назван именно так, а не иначе. В наиболее благоприятных случаях удастся прояснить, какой была языковая ситуация в данной местности в прошлом, и на этой основе сделать выводы о застывших в имени представлениях о географическом объекте [см.: Greule, 2009a, 687]. Полученные таким образом сведения способны стать своеобразным ориентиром для археологов, которые далее могут подтвердить либо не подтвердить как само существование объекта, так и его характеристики, отраженные в имени.

Проиллюстрировать эту модель могут некоторые топонимы, зафиксированные в южных областях Германии.

1. В «Географии» Птолемея упоминается топоним *Taróduonon*, называющий объект, расположенный в четвертом климатическом поясе. Кельтское укрепление (оппидум), к которому относился этот объект, находилось, предположительно, близ Фрайбурга в Брейсгау на делювиальной террасе между реками Вагенштайгбах на севере и Хёлленбах на юге (эти реки впадают в Драйзам недалеко от Цартена [см.: Kleiber, 2009, 229–238]). Во всяком случае, собственно лингвистические данные прямо свидетельствуют о существовании в этом месте кельтского оборонительного сооружения: *Taróduonon*: ср. кельт. *-dunum* ‘крепость’; ср. также название самой реки *Драйзам*, объясняемое из кельт. **Tragisama* ‘быстро бегущая’².

2. Перед римской колонизацией в Пассау было «плотное позднелатинское заселение вокруг расположенного между реками Дунай и Инн оппидума, которое, правда, внезапно прекратилось почти за сто лет до прихода римлян» [Czysz et al., 1995, 494]. То, что название, переданное нам еще Птолемеем в форме *Boióduron*, является кельтским по словообразовательной модели и относится к построенной около 90 г. н. э. на берегу Инна римской крепости, говорит о преемственности этого наименования, которое, очевидно, было перенесено с оппидума на другую сторону Инна, после чего стало обозначать позднюю античную крепость,

² Ср. с позицией археологов [Kleiber, 2009, 165–166]: переданное Птолемеем название *Tarodunum*, которое ранее использовалось только для обозначения известного древнего кельтского укрепления, следует теперь соотносить со всей местностью (крупным поселением).

располагавшуюся выше по течению реки, — *Boiotro*. Это название, в свою очередь, было использовано как наименование реки, которая ныне в баварском диалекте имеет форму *Beiderbach / Beiderwiesbach*.

3. В алеманнском (юго-западном верхненемецком) языковом ареале засвидетельствован целый ряд топонимов-композигов с финальным компонентом *-tūn-*: в их числе, например, *Nagaltuna* (786 г.) — ныне город *Nagold* (округ Кальв, Баден-Вюртемберг). Древнеалеманнское *-tūn*, вероятно, происходит от кельт. **dūnon* ‘укрепление’ и служит для обозначения заселенных уже в доисторические времена усадеб на холмах³.

Еще раз отметим, что подобные ономастические данные, безусловно, могут иметь высокую ценность для археологических исследований.

4. Гидронимы и археология

Как было показано выше, названия водоемов играют в ономастической археологии чрезвычайно важную роль. Существует, в частности, гипотеза, согласно которой название того или иного раннеисторического археологического памятника, имя которого сегодня неизвестно, может сохраняться в именовании «смежной» реки. Теоретическим основанием этой гипотезы является общезыкоковой механизм метонимии — переноса уже существующего имени на объект, пространственно близкий к уже названному. С учетом возможности такого переноса исследователю нередко удается определить местоположение объектов, соответствующих топонимам, которые дошли до нас из античных времен. Так, засвидетельствованное Птолемеем название римской крепости *polis Viana*, в силу сходства с современным речным гидронимом *Weihung* (ранее *die Weißen*), может быть соотнесено с расположенной на р. Вайунг крепостью *Unterkirchberg* (община Иллеркирхберг, округ Альб-Дунай, Баден-Вюртемберг) [см.: Greule, 2014, 578].

Схожий пример — упомянутое Птолемеем именование *polis Alkimoennis*. Очень вероятно, что этот топоним обозначал объект, располагавшийся на р. *Altmühl*, которая ранее называлась *Alchmuna* (832 г.). Во всяком случае, именование *polis Alkimoennis* соотносится с обнаруженным при археологических раскопках сооружением периода латенской культуры, которое находится недалеко от места впадения р. Альтмюль в Дунай. Название может быть истолковано на основе кельт. **Alkimonjos* со значением ‘гора с защитой / для защиты’.

³ Распространяется ли это на топоним **Mortun*, реконструированный из названия местности *Ortenau* в Миттельбадене, остается под вопросом. Этот топоним мог быть перенесен на образованную течением Рейна местность с римского укрепления, которое находилось напротив Аргентората (Страсбурга) у входа в Киндигаль и на кельто-латинском должно было называться **Moridūnum*. Археологические находки, которые могли бы доказать гипотезу ономастологов, пока отсутствуют, хотя есть мнение, что продолжением этого поселения является нынешний город Оффенбург [см.: Greule, 2007, 188].

Античные географы не упоминают об оппидуме *Manching*, который в археологии считается одним из самых больших поселений к северу от Альп периода поздней латенской культуры. Этот оппидум был расположен в месте впадения р. Паар (нем. *Paar*) в Дунай в районе Айхштета. Происхождение гидронима *Paar* (ранее *Barra*) может объясняться переносом кельтского названия оппидума **Barros* в значении 'столица' на «смежную» реку [см.: Greule, 2014, 397].

Несколько иной случай представляет гидроним *Pfinz*, именующий приток Рейна в Карлсруэ и происходящий от римского названия **Pontīna*, переводимого с латыни приблизительно как 'страна мостов'. Мотивом номинации в данном примере послужило пересечение р. Пфинц с двумя «римскими» дорогами [см.: Ibid., 404].

5. Ясторфская культура и гидронимы

В соответствии со всем вышесказанным под разноязычным лингвистическим ландшафтом я понимаю не синхронное, а диахронное явление, т. е. не топонимы в одном номинативном ландшафте в определенное время, а совокупность названий, относящихся к разным историческим пластам. Для юга Германии, особенно для Баварии, последовательность этих пластов такова: 1) во всей Баварии — кельтские названия; 2) на стороне Лимеса, занимаемой в прошлом римлянами, — романские названия; 3) во всей Баварии — германско-древнебаварские названия; 4) в Восточной Баварии — славянские названия⁴. Лингвистические свидетельства существования этих четырех пластов поддерживаются археологическими данными [см.: Greule, 2010, 9–19].

Что касается севера Германии, то археологические находки, относящиеся к этой территории, пока не связываются в четкую систему, подкрепленную ономастическими свидетельствами. Археологи видят здесь явные следы ясторфской культуры. В моих последующих рассуждениях, основанных прежде всего на анализе гидронимии, речь пойдет не о том, была ли ясторфская культура «германской», а о том, доминировал ли в ней какой-либо язык вообще.

С точки зрения археологии ясторфская культура, изучение которой началось в 1897 г., считается хорошо исследованной. Как считает Р. Мюллер, ясторфская культура — «собирательное понятие для многих групп на севере Центральной Европы, для которых была характерна кремация, периода конца гальштатской культуры и периода латенской культуры» (V–I вв. до н. э. — А. Г.) [RGA, 16, 43]. К ней относится небольшая группа археологических находок в нижнем течении Эльбы, а также различные находки «на большой культурной территории, которая простирается от Ганновера до Северного моря, Шлезвиг-Гольштейна

⁴ На характеристике четвертого пласта, исследованием которого занимается В. Янка [Janka, 2001], в данной статье я подробно не останавливаюсь.

и Ютландии, включает в себя Мекленбург, Бранденбург и Альтмарк, на востоке достигает Померании и Силезии, а на западе — Везера» [RGA, 16, 43]; при этом «бассейн Одера не имеет для распространения ясторфской культуры никакого значения» [Ibid., 48]⁵.

Это может показаться несколько наивным, но ономотологу — на фоне приведенного описания пространственных и временных границ ясторфской культуры — бросается в глаза факт наличия в ее ареале множества гидронимов. Речь идет о гидронимии бассейна р. Везер, о «группе Одер — Варнов», о реках Гавель, Рега, Шпрее, о гидронимах земель Уккермарка и Тангермюнде, о «территориях вверх по рекам Заале и Мульде» или о «центральной зоне бассейна Эльбы» [RGA, 16, 44–45]. Безусловно, для реконструкции этноисторического прошлого этой значительной территории, занятой ясторфской археологической культурой, совершенно необходимо пристальное изучение названий значимых рек. Возможно, результат поисков окажется настолько информативным, что мы, основываясь на топонимических данных, сможем понять, говорили ли в этих землях на разных языках — и если да, то на каких именно. Однако, повторю, у меня нет намерения подтвердить таким образом гипотезу, будто носители ясторфской культуры были германцами⁶.

В процессе исследования я осуществил этимологический анализ названий крупных рек, относящихся к территории ясторфской культуры между Везером и Одером и текущих к Северному и Балтийскому морям. Эти гидронимы приводятся ниже в порядке расположения соответствующих объектов в направлении с запада на восток. Поскольку в данной статье невозможно привести все этимологические подробности, я отсылаю читателя к толкованиям в «Словаре немецких гидронимов» [Greule, 2014], из которых становится ясно, что анализируемые названия большей частью имеют германское происхождение:

Lesum < др.-сакс. *Leohsmana*, ж. р. для герм. **leuhsman*- ‘свет’;

Hamme < др.-сакс. **Hamm-aha*, ср. герм. **hanmō* ‘подколенная впадина’;

⁵ См. карту ясторфской культуры в [RGA, 16, 49].

⁶ Сегодня с большой осторожностью относятся к употреблению термина *германский*. До единого междисциплинарного его употребления (столь желаемого!) еще далеко. Так, историки считают, что от понятий «германский», «германцы» нужно отказаться и «оставить его филологам и археологам» [Wolfram, 2010, 19]. Однако лингвисты располагают обоснованными фонологическими, морфологическими и лексическими критериями, согласно которым термин *германский* (подобно терминам *балтийский*, *славянский* и т. п.) может использоваться в качестве обозначения одной из ветвей индоевропейского праязыка [ср.: Seebold, 1998, 279–305]. Это, как будет показано далее, делает возможным в исторической перспективе относить к языкам германской ветви и онимы. Разумеется, генеалогическая теория предполагает, что каждый «языковой тип» в том или ином диахронном или диатопическом варианте использовался для реальной коммуникации. Однако данная теория не позволяет называть сообщества говоривших на германских языках германским народом или этносом: можно лишь с известной осторожностью упоминать говорящих на германских языках (германоязычных).

Geeste = ср.-н.-нем. *Gēstene*, производное от ср.-н.-нем. *gēst* ‘высоко лежащая над болотом пустошь’;

Aller < герм. **Alrō*, производное от германской основы **al-* ‘вздувающийся, затопляющий поток’;

Leine < герм. **Lagnō*, производное от герм. **lag(u)-* ‘лу́жа, озеро’;

Oste < герм. **Austō*, производное от германского глагола **aus-a-* ‘черпать’;

Havel < др.-сакс. **Haßola* ‘охотно поднимающийся’, от герм. **haf-/hab-* ‘поднимать’;

Dosse < герм. **Duhsō*, производное от герм. **duh-/dug-* ‘бродить, скитаться’;

Spree < герм. **Sprēwō* для герм. **sprēw-ja-* ‘брызгать, поливать’;

Stör, др.-сакс. **Stūria*, производное от герм. **stūra-* ‘стоящий’;

Eider, др.-сакс. **Egidor* ‘врата ужаса’ для воронкообразного устья реки;

Treene, др.-зап.-сканд. **Tréá*, ср.-н.-нем. **træja* < герм. **trew-ahwō* ‘дереворека’;

Schlei < герм. **Slīwō*, ж. р. для герм. **slīwa-* ‘слизистые водоросли’;

Trave, герм. **Trawanō*, германизировано из догерманского и.-е. **Drocionā*, произведено с помощью аблаута от и.-е. **dreu-e-* ‘бежать’;

Warnow = ср.-н.-нем. **Warn-ouwe*, ср.-н.-нем. **Warne* < герм. **Wernō*, производное от германской основы **wer-* ‘влажный’;

Beke, левый приток р. Варнов, округ Росток; перенос с *Beke* (левый приток р. Липпе или р. Вюмме) < герм. **Bakinō*, производное от герм. **baki-* ‘ручей’;

Nebel < герм. **Nebulō*, ж. р. для герм. **nebula-* ‘туман’.

Пласт германских названий на востоке имеет вкрапления следующих славяноязычных названий:

Wakenitz < др.-полаб. **Vok(u)nica*, славянизировано из герм. **Akanō*, которое является производным от германского глагола **ak-a-* ‘ехать’;

Tollense < слав. **Toleža* < герм. **Talingja*, производное от герм. **tala-* ‘быстрый’;

Ucker / Uecker < др.-полаб. **Vьkra* < герм. **Wikrō*; произведено с помощью аблаута от германского глагола **weik-a-* ‘уступать / ветвиться, двигаться вперед’.

К приведенному ряду, возможно, относится и название *Barthe* (1242 *ad riuum Bartik*): от топонима *Barth* < герм. **barda-*, др.-зап.-сканд. *barð* ‘край, грань’ (?).

На рассматриваемой территории протекают также реки с однозначно славянскими названиями: *Stepenitz* < др.-полаб. **Ščep'nica*; *Schwentine* < др.-полаб. **Svetina*; *Recknitz* (= приток Заалер-Боден, ок. 1250 *Reknicza*), производное от слав. **rěka* ‘река’; *Radow*, ранее *Löcknitz* < др.-полаб. **Loknica*.

Обращает на себя внимание то, что названия крупных рек, протекающих на пограничье ареала ясторфской культуры, не могут быть однозначно истолкованы как славянские или германские по происхождению:

Weser — общеиндоевр. **Wisurā*;

Elbe < **Albja* — то же, что греч. *Alpheios*, с возможной деонимизацией, ср.-в.-нем. *elve* ‘русло реки’, др.-зап.-сканд. *elfr* ‘река’;

Oder, дослав. **Odra* и **Adra* < и.-е. **Udrā* наряду с **Adrā*.

Эти названия лучше всего причислять к пласту, который мы обозначаем как *Voreinzelsprachlich* (общеевропейский). К нему же мы относим названия рек *Peene* (= др.-полаб. **Pěna* < герм. **Painō* < общеиндоевр. **Poinā*, произведено с помощью аблаута от и.-е. **pei(H)*- ‘нарастать’) и *Trave* (также индоевропейского происхождения: **Trawanō*).

Представляется важным тот факт, что приведенная выше довольно большая группа германских гидронимов, зафиксированных на территории распространения ясторфской культуры, хронологически неоднородна. Это следует хотя бы из того, что простые бессуффиксные и суффиксальные названия (*Aller*, *Geeste*, *Havel*, *Leine*, *Lessum*, *Nebel*, *Oste*, *Schlei*, *Spree*, *Stör*) древнее, чем гидронимы, образованные путем сложения основ (*Hamme* и *Treene*); гидроним *Eider* (**Egi-dor*) ‘врата ужаса’ вообще представляет собой нетипичный метафорический композит, а *Warnow* (ср.-н.-нем. **Warn-ouwe*) является поздним вторичным составным словом. Особый случай — название *Becke*, поскольку оно, вероятно, было привнесено на территорию ясторфской культуры в Средневековье, т. е. не является автохтонным.

6. Германское название славянского племени вагров

В ареал ясторфской культуры входит Вагрия (нем. *Wagrien*) — остгольштейнская местность, исторически простиравшаяся от Кильского фьорда до Любекского залива, хотя сегодня к ней относят главным образом только Ольденбургский полуостров. Эта местность получила свое название от этнонима *вагры*, именовавшего племя западнославянских ободритов. Их главной крепостью был Старигард (ныне Ольденбург-ин-Хольштайн), который находился у залива Балтийского моря и был гаванью вагров. В рассуждениях о названии этого племени мы обобщим все высказанные ранее ключевые мысли, прежде всего — связанные с германославянскими гибридными топонимами, часть которых уже представлена выше названиями рек.

В новейшем исследовании, касающемся этнонима *вагры* [см.: RGA, 33, 79–80], вполне подтверждается версия А. Шмитца (A. Schmitz), предложенная в 1981 г. В соответствии с этой версией — на основе, правда, несколько диффузной доказательной цепочки — выводится название жителей: лат. **Wāgiri*, за которым, предположительно, стоит германский композит **wāga-warijōz* (> **wāgarijōz* в силу гаплогического сокращения). Определяющим компонентом данного композита является *wāga-*, соответствующее др.-зап.-сканд. *vágr* ‘море, озеро, залив’ и др.-в.-нем. *wāg* ‘вода, поток, море’; ср. название р. Ваг (*die Waag*), левого притока Дуная в Словакии [см.: Greule, 2014, 567]. Вторая (определяемая) часть композита, герм. **-warija-*, имеет значение ‘житель’ и проявляется во многих германских этнонимах. Ближе всего к древнему прототипу именование **Amisiwarijōz*

(лат. *Ampsivarii*) ‘жители на Эмсе’. В нашем случае с ваграми толкование их этнического имени полностью подтверждается как с учетом действительного места обитания вагров на Балтийском море, так и буквальным значением самого композита — ‘живущие на море’.

Не следует, однако, забывать о том, что в рассматриваемом случае представлена и обоснована исключительно германская этимология названия славянского племени. Эта несколько парадоксальная ситуация объясняется либо тем, что одно из ободритских племен во времена двуязычия переняло название германцев, населявших ранее данную территорию, либо тем, что безымянному славянскому племени было извне присвоено известное германское название. Как бы то ни было, сравнивая Вагрию в Гольштейне и Ваг в Словакии, мы не только возвращаемся к отправной точке моих рассуждений — Дунаю, но и касаемся Баварии, поскольку топоним *Bayern* (*Бавария*), герм. **Baja-warijōz* ‘жители земли лодок (*Bojer*)’, образован по той же модели, что и **Wāga-warijōz* ‘живущие на море’.

-
- Czysz, W., Dietz, K., Fischer, T., & Kellner, H.-J. (1995). *Die Römer in Bayern* [The Romans in Bavaria]. Stuttgart: Theiss.
- Greule, A. (2007). *Etymologische Studien zu geographischen Namen in Europa*. Ausgewählte Beiträge 1998–2006 [Etymological Studies in Geographical Names of Europe. Selected Works of the Years 1998–2006]. Regensburg: Vulpes.
- Greule, A. (2009a). Archäologie und Namenforschung — ein schwieriges Verhältnis [History and Onomastics — Intricate Relationships]. In S. Brather, D. Geuenich, & Ch. Huth (Eds.), *Historia archaeologica: Festschrift für Heiko Steuer zum 70. Geburtstag* [Historia Archaeologica: Essays in Honor of Prof. Heiko Steuer] (pp. 687–695). Berlin; New York: De Gruyter.
- Greule, A. (2009b). Donau, Rhein, Moldau und die Indogermanisierung Europas [Danube, Rhine, Moldavia and Indo-Germanic Europe]. In M. Harvalík, E. Minářová, & J. M. Tušková (Eds.), *Teoretické a komunikační aspekty proprii. Prof. Rudolfo Šrámkovi k životnímu jubileu* [Theoretical and Communicative Aspects of Proper Names. For Prof. Rudolf Šrámek’s Anniversary] (pp. 205–210). Brno: Masarykova univerzita.
- Greule, A. (2010). Die historischen Horizonte der geographischen Namen in Bayern [Bavarian Place Names in the Historical Perspective]. *Oberviechtacher Heimatkundliche Beiträge*, 8, 9–19.
- Greule, A. (2014). *Deutsches Gewässernamenbuch* [Dictionary of German Hydronyms]. Berlin; Boston: De Gruyter.
- Janka, W. (2001). Slavisch-deutscher Sprachkontakt in Nordbayern. Vorstellung des Forschungsprojekts “Bavaria Slavica” [Slavic-German Contacts of Languages in Northern Bavaria. Presentation of the Project “Bavaria Slavica”]. *Onoma*, 36, 111–124.
- Kleiber, W. (Ed.). (2009). *Tarodunum/Zarten — Brigobannis/Hüfingen. Kelten, Galloromanen und frühe Alemannen im Schwarzwald in interdisziplinärer Sicht* [Tarodunum/Zarten — Brigobannis/Hüfingen. Celts, Gallo-Romans and Early Germans in the Black Forest: An Interdisciplinary Approach]. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- RGA — Jankuhn H., Beck H. u.a. (Eds.). (1973–2007). *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde*. 2 Afl. 35 Bd. Berlin; New York: De Gruyter.

- Schramm, G. (2008). Sprachliche Spuren des Einzugs von Ackerbau und Viehzucht in Binneneuropa [Linguistic Traces of Harvesting and Cattle-Breeding in the European Area]. *Saeculum, Jahrbuch für Universalgeschichte*, 59(2), 177–199.
- Seebold, E. (1998). Germanen, Germania, Germanische Altertumskunde (Sprache und Schrift) [Early Germans, Germania, Early German History (Language and Writing)], *RGA 11*, 275–305.
- Wolfram, H. (2010). Wie schreibt man ein Germanenbuch und warum immer noch eins? [How to Write a Book about the Germans and Why One More Time?]. In M. Becher, S. Dick (Eds.), *Völker, Reiche und Namen im frühen Mittelalter* [Peoples, States and Names in the Early Middle Ages] (pp. 15–43). München: Wilhelm Fink.

Пер. с нем. Е. Д. Косаревой
Рукопись поступила в редакцию 04.12.2014

СОКРАЩЕНИЯ

герм.	германские языки
греч.	греческий язык
дослав.	дославянский язык
др.-зап.-сканд.	древнезападноскандинавский язык
др.-полаб.	древнеполабский язык
др.-сакс.	древнесаксонский язык
и.-е.	индоевропейский праязык
кельт.	кельтский язык
лат.	латинский язык
нем.	немецкий язык
новонем.	новонемецкий язык
общеиндоевр.	общеиндоевропейский язык
слав.	славянские языки
ср.-в.-нем.	средневерхненемецкий язык
ср.-н.-нем.	средненижненемецкий язык

* * *

Гройле Альбрехт

DrHab, профессор факультета лингвистики, литературы и культурологии, Университет Регенсбурга
Universitätsstraße 31, PT, Zi. 3.2.26
93053 Regensburg, Deutschland
тел. +49 9407 90050
E-mail: albrecht.greule@sprachlit.uni-regensburg.de

Greule, Albrecht

DrHab, Professor, Faculty of Linguistics, Literature and Culture Studies, University of Regensburg
Universitätsstraße 31, PT, Rm 3.2.26
93053 Regensburg, Germany
tel. +49 9407 90050
E-mail: albrecht.greule@sprachlit.uni-regensburg.de

“ONOMASTIC ARCHAEOLOGY” (WITH REFERENCE TO GERMAN TOPONYMY)

The author argues that archaeology and historical linguistics, each using their own tools, both seek to understand and interpret cultures of the prehistoric and early historical periods and,

thus, can enrich and supplement each other. The author believes that the most potential of what he proposes to call “linguistic archaeology” is concentrated primarily in the study of proper names, which makes it possible to complement the general notion of “linguistic archaeology” with a narrower term — “onomastic archaeology”. This interdisciplinary cooperation can be most fruitful in the field of the study of place names, since the latter generally have a reliable historical and geographical attribution and are linked with a particular place or area during a relatively long period of time. The suggested approach is illustrated by some Southern German place names of Celtic origin. The etymological analysis shows that they all served to designate Celtic fortified settlements which makes these onomastic data valuable for further archaeological investigations and reconstruction of ancient Celtic culture. The author suggests that, besides oikonyms, hydronyms also play a significant role because of their capacity to conserve, due to metonymic transfer, the names of early historical monuments mentioned in ancient sources but considered to be lost. Referring to the Jastorf culture, whose area of diffusion displays, alongside with prevailing Germanic hydronyms, names of other origin, the author shows that hydronyms can be particularly important when reconstructing the “linguistic landscape” of an archaeological culture. In the concluding section of the article the prevalence of the Germanic linguistic component within the Jastorf culture area is illustrated by the analysis of the name of the ancient Slavic tribe of Wagri. In the author’s opinion, this ethnonym was either borrowed from an earlier Germanic population of that area during the period of bilingualism or adopted by the unnamed Slavic tribe as an already existing Germanic name.

Key words: German language, toponymy, place names, hydronyms, historical onomastics, linguistic archaeology, Jastorf culture, Wagri, etymology.

*Transl. from German by E. D. Kosareva
Received 4 December 2014*